

М.В. Герасимов*

M.V. Gerasimov*

Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска**The City Square as an Object of Ideological Transformation in the Post-Soviet Years: the Case of Tomsk**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-9

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-9

УДК 94(470)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Герасимов М.В. Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 111–121. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf>

Gerasimov M.V. The City Square as an Object of Ideological Transformation in the Post-Soviet Years: the Case of Tomsk // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 111–121. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf>]

Abstract. The article is devoted to consideration and analysis of the features of symbolic transformation of the public space of Tomsk in the post-Soviet years by the example of two city squares. The dynamics of political changes and socio-economic instability in the 1990s influenced the reassessment of ideological messages encoded in the structure of public urban space objects (squares, streets, squares, etc.). The city square is understood as a field of representations organized and arranged in accordance with the symbolic intent, functioning as an ideological text in which a number of political and cultural meanings are encrypted. The process of symbolic transformation of city squares is described using the example of the Tomsk region. Politicians and public figures of this region in the early 1990s began the process of symbolic positioning on the political map of Siberia, creating the image of a democratic region that broke with its totalitarian past. In the context of delegitimization of the Communist regime, the presence of objects of Soviet power topography created semantic dissonance and ideological contradictions for the new government – in the first months after the collapse of the USSR, its representatives justified the need to destroy Lenin monuments in Tomsk. The author identifies and analyzes the main vectors of symbolic transformation used by the Tomsk power structures in the 1990s: 1) physical elimination of the symbol of the previous regime (dismantling of the Lenin monument on Revolution Square); 2) application of toponymical practices; 3) attempts at value reorientation of the object (restoration of monuments of pre-revolutionary Tomsk architecture that surrounded the Lenin monument on the square of the same name). The author describes the reaction of the readers of the new ideological text – city dwellers who used the space of the square to articulate oppositional narratives about the lost stability of everyday life in the form of political and commemorative actions. The conclusion is made about the ineffective use of the symbolic model of opposing the present to the “totalitarian” past in the process of building the power topography in the first post-Soviet years.

Keywords: Tomsk; post-soviet years; Revolution square; symbolic transformation; monument; Lenin.

The article has been received by the editor on 29.09.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу особенностей символической трансформации публичного пространства Томска в постсоветские годы на примере двух городских площадей. Динамика политических изменений и социально-экономической нестабильности 1990-х годов влияла на переосмысление идеологических сообщений, закодиро-

* Герасимов Максим Вячеславович, аспирант, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: gerasim.maks@mail.ru

Gerasimov Maxim Vyacheslavovich, Graduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: gerasim.maks@mail.ru

ванных в структуре объектов публичного городского пространства (площади, улицы, скверы и т.д.). В этом смысле городская площадь понимается в виде поля упорядоченных и выстроенных в соответствии с символическим замыслом репрезентаций, функционирующего как идеологический текст, в котором зашифрован целый ряд политических и культурных значений. Процесс символической трансформации городских площадей описывается на примере Томской области, где политики и общественные деятели в начале 1990-х гг. включились в процесс символического позиционирования на политической карте Сибири, создавая образ демократического региона, порвавшего со своим тоталитарным прошлым. В контексте делегитимации коммунистического режима наличие объектов советской властной топографии создавало смысловой диссонанс и идеологические противоречия для новой власти – ее представители в первые месяцы после распада СССР обосновывали необходимость уничтожения памятников и монументов В.И. Ленину в Томске. Автором выделяются и анализируются основные методы символической трансформации городской площади, использованные томскими властными структурами в 1990-е годы: 1) физическое устранение символа прежнего режима (демонтаж памятника Ленину на площади Революции); 2) применение топонимических практик; 3) попытки ценностной переориентации объекта (восстановление памятников дореволюционной томской архитектуры, окружавших памятник Ленину на одноименной площади). Описывается реакция «читателей» нового идеологического текста – городских жителей, использовавших пространство измененных площадей для артикуляции оппозиционных нарративов в форме политических и коммеморативных акций. Делается вывод о неэффективном использовании символической модели противопоставления настоящего «тоталитарному» прошлому в процессе выстраивания властной топографии в первые постсоветские годы.

Ключевые слова: Томск; постсоветские годы; площадь Революции; символическая трансформация; памятник; В.И. Ленин.

Архитектурные и градостроительные решения, мемориальные и топонимические практики зачастую являются прямым отражением идеологических изменений в период смены власти и социальной нестабильности. Подобное использование элементов городского пространства представляется значимой частью символической политики, отражающей распределение власти и особенности процедуры принятия решений. Как отмечал П. Бурдые, субъекты политической сферы применяют всевозможные средства для утверждения нового видения социального порядка, отвергая прежнюю систему ценностей и применяя символический капитал для воспроизводства и укрепления реальных властных отношений, составляющих структуру социального пространства¹. В данном контексте городское пространство предстает в виде поля упорядоченных и выстроенных в соответствии с символическим замыслом репрезентаций и может пониматься как идеологический текст, в котором закодирован целый ряд политических и культурных значений.

Контекст радикальных социально-политических трансформаций в начале 1990-х гг. логичным образом усилил процесс творческого использования символических ресурсов, становившихся в городском пространстве постсоветского города инструментами изменений социального порядка. Новые политические структуры активно использовали укорененный в культурном контексте ограниченный набор символических ресурсов с целью легитимации проводимых реформ и собственного политического позиционирования. Вместе с этим ограниченность репертуара пригодных для политического использования символов вызывала большие риски для постсоветских политиков, столкнувшихся с трудностями в процессе построения символической программы², конкурировавшей с богатым наследием советской власти в городском пространстве. Подобная ситуация создавала контуры пространства

---

¹ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 146.

² Gill G. Symbolism and regime change: Russia. Cambridge, 2013. P. 36.

символической борьбы, в котором проявилась деятельность новых акторов и агентов, участвовавших в создании и продвижении символов.

Между тем в исследованиях региональной символической политики в 1990-е гг. нередко подчеркивается непоследовательность и осторожность по отношению к советскому прошлому и его ключевым символам, выраженным в мемориальных и топонимических объектах (например, половинчатая позиция в вопросах монументальных памятников и иных мест поклонения В.И. Ленину в разных российских регионах)³. Подобная ситуация во многом связана с использованием практик десоветизации объектов городского пространства в процессе конструирования статуса региона в целях символического позиционирования в иерархии территорий, причем региональные различия в такой практике зависят от комбинаций политических ориентаций региональных властных элит⁴.

В этом контексте интересен кейс Томского региона, где политики и общественные деятели включились в процесс символического позиционирования на политической карте Сибири, создавая образ демократического региона, порвавшего со своим тоталитарным прошлым. Политическая реальность Томского региона в первые годы после распада СССР характеризовалась острой борьбой органов законодательной и исполнительной власти, вызывавшей перераспределение сил, ресурсов и полномочий: «Во всех российских регионах, – писал американский советолог С. Коткин, – независимо от того, находились ли в них у руля “демократы” или коммунисты, выиграла и в итоге сильно разрослась исполнительная ветвь власти. Томскую область в начале 1990-х сотрясало сильное демократическое движение, центром которого была местная законодательная власть. Тем не менее к 1994 году плюрализм и здесь сошел на нет, и исполнительная власть восторжествовала над законодательной»⁵. Несмотря на то, что прямым результатом политической нестабильности в 1991–1993 гг. стало усиление региональных институтов исполнительной власти, этот промежуточный этап являлся важным периодом определения символической опоры в процессе самопознания региона.

Процесс распада советских политических структур катализировал деятельность различных социальных субъектов, репрезентировавших различный спектр установок в отношении недавнего прошлого, в связи с чем важным и одним из наиболее обсуждаемых вопросов стала тема советского символического наследия, сосредоточенного в городском пространстве новой власти. Главным публичным пространством г. Томска в годы позднего СССР являлась площадь Революции – символ административной власти Томской губернии в дореволюционные годы и объект советской символической апроприации. В 1920–1930-е гг. советские власти применяли методы агрессивного маркирования своего присутствия в данном пространстве, нашедшие отражение в топонимических практиках и революционных захоронениях. Так, в 1920 г. здесь были торжественно перезахоронены останки большевистских борцов-подпольщиков⁶, а сама площадь Ново-Соборная была переименована в площадь Революции⁷. Прежнее название площади было связано с находившимся на ней Троицким собором, закрытым и разрушенным в 1934 г.⁸

Формирование советского публичного пространства происходило в окружении объектов имперской топографии Томской губернии. Представители советской власти в первые постреволюционные десятилетия применяли практики их перекодировки и ослабления символической нагрузки путем изменения функционального назначения объекта. Как отме-

³ Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М., 2014. С. 251.

⁴ Аксенов К.Э. Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 4. С. 5.

⁵ Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М., 2018. С. 161.

⁶ Братская могила большевиков-подпольщиков // ОГАУК «Центр по охране памятников» [Электронный ресурс]. URL: <http://memorials.tomsk.ru/memorials/bratskaya-mogila-bolshevikov-podpolschikov-173.html> (дата обращения: 15.09.2021).

⁷ История названия томских улиц, Томск, 2012. С. 203–206.

⁸ История Ново-Соборной площади / публ. Э.К. Майданюка // Электронная библиотека ELIB.TOMSK.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-638/> (дата обращения: 27.09.2021).

чают исследователи, подобная позиция означала восприятие объектов имперского пространства власти в качестве утилитарных объектов, не несущих в себе политических коннотаций⁹. Так, бывшее здание губернского управления («присутственных мест») стало одним из корпусов Сибирского физико-технического института (далее – СФТИ), а в бывшей резиденции Томского губернатора учредили Дом ученых.

В окружении монументального архитектурного пространства дореволюционных зданий, лишенных первоначального функционального значения, площадь Революции стала пространством для реализации советского авторитетного дискурса – в дни демонстраций 1 мая и 7 ноября здание Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (далее – ТИАСУР) традиционно украшалось портретами членов Политбюро ЦК КПСС, а с противоположной стороны улицы с каменной трибуны, увенчанной статуей В.И. Ленина, располагались представители партийного руководства Томского региона. В процессе воспроизводства советских ритуалов именно здесь организовывался сакральный символический центр – трибуны на площади заполнялись членами местных партийных элит; проходящие мимо городские жители (читатели идеологического текста) ощущали коллективную советскую идентичность, чему также способствовал монументальный имперский стиль окружающей архитектуры зданий главного корпуса ТИАСУР и СФТИ (рис. 1).

Методы рецепции объектов имперского пространства власти и символического маркирования позволили оформить ориентиры советской топографии власти в Томске. Их предназначение соответствовало принципам легитимации существующего режима, достигавшимся через формы идеологических ритуальных действий. Путем политического использования публичных общественных мест структуры советской власти поддерживали функционирование идеологических сообщений, закодированных в структуре городского пространства.

Вполне логично, что в контексте делегитимации коммунистического режима в начале 1990-х гг. наличие объектов советской властной топографии в новой политической реальности создавало смысловой диссонанс и символические противоречия для новой власти. Противоборствующие силы в лице сторонников Б.Н. Ельцина и последователей коммунистического режима в первые месяцы после провала путча ГКЧП определили места городского пространства для артикуляции своих высказываний. Так, 21 августа 1991 г. возле здания областного совета («Белого дома») был проведен масштабный антикоммунистический митинг, организованный членами томского отделения партии «Демократическая Россия». «Вообще-то этот угол “Белого дома” под окнами КПСС – излюбленное место проведения политических акций демократов»¹⁰, – писали в местных газетах. В свою очередь, 15 марта 1992 г. при содействии членов Российской коммунистической рабочей партии (далее – РКРП) на площади Революции прошел митинг в поддержку Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Предварительно маркировав пространство площади красными флагами и исполнением советского гимна, активисты распространяли свои газеты и организовали сбор подписей в поддержку Чрезвычайного съезда и народного вече, а затем высказывали свою оценку окружающей

Рис. 1. Первомайская демонстрация в Томске, трибуна на площади Революции, начало 1970-х гг.

⁹ Болтунова Е.М. Державность по-советски: имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 91.

¹⁰ История творится на площадях // Томский вестник (Томск). 24 августа. 1992. № 98. Л. 1.

политической действительности. «Принимается резолюция митинга, – передавали в газете “Томский рабочий”. – Трудящиеся выступают за возрождение СССР, за единство людей всех национальностей в борьбе против нарастающей эксплуатации, за единое Отечество и единую боеспособную Советскую Армию, за независимую от США внешнюю политику»¹¹.

Соответственно, в первые годы существования «новой» России в политическом пространстве Томска сложились упорядоченные репрезентации сторонников демократической («проамериканский Белый дом») и коммунистической власти (площадь Революции).

Первым шагом в процессе трансформации советской идеологической топографии для постсоветских властных структур в Томске должно было стать решение вопроса о судьбе памятника В.И. Ленину на площади Революции, что, в свою очередь, соответствовало идеям делегитимации коммунистического режима, неоднократно озвученным в публичных выступлениях томских «демократов». Стоит заметить, что непосредственная связь памятников с конструированием коллективной памяти влияет на манипулирование последней, в связи с чем в период социальных потрясений оно неизбежным образом воздействует на судьбу памятников и других мемориальных объектов, и если некоторые из них подвергаются риторическим изменениям, то манипулирование памятниками происходит на уровне «дела» в форме материального уничтожения¹².

Имеющиеся источники демонстрируют актуализацию вопроса о судьбе памятников Ленину в первые дни после провала августовского путча ГКЧП, когда представители демократического движения обращались к политическим субъектам, располагавшим ресурсами для трансформации советского пространства власти. Так, 30 августа участники координационного совета томского отделения партии «Демократическая Россия» сформулировали «Предложения президиумам местных Советов народных депутатов», опубликованные в городской газете «Томский вестник», среди которых одним из важнейших был вопрос о судьбе ленинских памятников: «Демократические силы выиграла схватку с заговорщиками тоталитарного режима и диктатуры. <...> Обеспокоенные возможностью реставрации казарменного социализма, мы требуем: – УВД и УКГБ по Томской области продолжить принципиальную линию, которую они проводили во время переворота, и принять все меры по предотвращению возможной подпольной деятельности сторонников тоталитарного режима; – лишить мандатов народных депутатов СССР, избранных от КПСС; – горсовету рассмотреть вопрос о памятниках В.И. Ленину <...>»¹³.

В то же время для многих городских жителей борьба с объектами советского пространства власти мотивировалась эстетическими, а не политическими причинами. Довольно часто подобная аргументация соединялась с желанием вернуть элементам городского пространства дореволюционный, некогда потерянный архитектурный ландшафт. «Крепко стоит трибуна на площади Революции – убогое сооружение среди величественных зданий, к счастью, мало пострадавших от времени и властей, – писали местные краеведы. – Не цветники и напоминающие о соборе тополя, не памятник борцам революции главенствуют на площади, а то ли барак, то ли лестница, то ли другое сооружение общественного пользования. Я против разрушений. Я за то, чтобы площади возвратили первоначальный вид в давно ей уготованной – большими мастерами – роли центральной в городе, спроектированной – теми же мастерами – в значительной мере под столицу»¹⁴.

Несмотря на осторожные и не всегда решительные действия многих региональных политиков в области символической политики¹⁵, представители новых властных структур Томска в 1991–1992 гг. не стали ограничиваться вербальными способами оформления собственных вариантов интерпретации недавнего прошлого, а активизировали действия по

¹¹ Воля народа священна // Томский рабочий (Томск). Март. 1992. № 1. Л. 1.

¹² Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. Т. 20. С. 28.

¹³ Предложения президиумам местных Советов народных депутатов и Резолюция митинга // Томский вестник (Томск). 30 августа. 1991. № 100. Л. 4.

¹⁴ С камушком за пазухой, с фигой за спиной // Томский вестник (Томск). 3 января. 1991. № 1. Л. 3.

¹⁵ Шерлок Т. Исторические нарративы и политика... С. 251.

трансформации городского политического пространства. Многими томскими депутатами воспроизводилась мысль о том, что существование памятников героям коммунистического режима прямым образом связано с прочными политическими позициями бывших партийных деятелей. Кроме того, в выступлениях томских политиков нерешенность вопроса памятников называлась проявлением слабого идеологического фона осуществления радикальных рыночных реформ. «В историческую память народа должен быть введен юридический факт осуждения опасной для самой жизни на Земле коммунистической идеологии и высших ее носителей, – заявлял в 1992 г. депутат Томского областного совета В. Васильев. – Семя дьявола больше не должно взойти. Я уж не говорю о крайней необходимости такого давно назревшего решения, как перенос или снос памятников Ульянову-Ленину, Кострикову-Кирову, Куйбышеву. Сейчас они занимают самые красивые места города. Разве это справедливо?»¹⁶.

В заявлениях и выступлениях представителей демократического крыла в томских органах власти подчеркивалась взаимосвязь между наличием памятника Ленину и существовавшим влиянием коммунистических идей, тормозивших ход либеральных экономических реформ, поскольку жители города «ходят каждый день мимо этих памятников по красивейшей улице Томска, которая пока называется “проспект Ленина”, по площадям, которые также названы именами палачей, и думают: а ведь ничего не изменилось...»¹⁷. В этой логике объекты городского пространства становились частью постсоветской идеологической трансформации и политической борьбы «за территорию», а площадь представляла в форме идеологического текста, один из слоев которого был подвергнут сознательному физическому устранению.

В конечном счете в сентябре 1992 г. под предлогом «плановой реконструкции площади»¹⁸ памятник В.И. Ленину на площади Революции был демонтирован (рис. 2) и перемещен из центра города в здание Томского краеведческого музея – вместе с этим он был отправлен на периферию всего городского пространства власти. Подчеркивание взаимосвязи между физическим уничтожением объекта прежнего режима и «нематериальным» существованием идей, которые он олицетворяет, было важным мотивом создания нового идеологического слоя в тексте городского пространства. «В середине девяностых мы добились снесения уродливой, – вспоминал А.С. Макаров, – непристойной фигуры Ленина из гипса и бетона на площади Новособорной – и словно решетку с площади убрали. Мы задышали свободнее»¹⁹.

При политических манипуляциях объектами городской площади при создании демократического пространства власти не учитывали реакции городских жителей – читателей нового идеологического текста, в сознании которых репрезентация последователей советской власти продолжала ассоциироваться с памятником В.И. Ленину на площади Революции. К примеру, 7 ноября 1992 г. очередная годовщина Октябрьской революции

Рис. 2. Демонтаж памятника В.И. Ленину на пл. Революции. 23 сентября 1992 г.

¹⁶ Идеология реформ: камень преткновения или врата в будущее? // Народная трибуна (Томск). 5 марта. 1992. № 44. Л. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Уход // Томский вестник (Томск). 25 сентября. 1992. № 188. Л. 1.

¹⁹ Макаров А.С. Большие перемены Александра Макарова. Томск, 2006. С. 65.

проходила по привычному сценарию: колонна демонстрантов с красными знаменами двигалась к площади Революции, несмотря на отсутствие праздничных трибун и разрушенного памятника В.И. Ленину. Сохранение сакрального характера центра советского пространства власти подчеркивалось тем, что место разрушенных трибун и памятника заняли демонстранты и городские обыватели, сопровождаемые «красной» символикой²⁰.

Уничтожение памятника Ленину ознаменовало собой окончание первого этапа трансформации политического городского пространства, когда в борьбе за его значимые места победу «за территорию» одержали местные городские власти, обладавшие важными символическими ресурсами и эксплуатировавшие концепцию преодоления исторического разрыва между дореволюционным прошлым и современностью, вовлекая в ее реализацию пространство площади Революции. С этой целью началась реабилитация мифа о разрушенном в 1934 г. Троицком соборе, располагавшемся в самом центре площади Революции. Еще в мае 1991 г. по приглашению городских властей Томск впервые посетил Святейший патриарх Московский и Всея Руси Алексей II и освятил закладной камень в основании часовни на месте площади, где располагался Троицкий собор, а в мае 1992 г. глава городской администрации В. Гончар издал постановление, в соответствии с которым разрешалось проектирование часовни в память о Троицком соборе²¹.

Трансформация символической структуры площади Революции создавала необходимые условия для воспроизводства мифа об уничтоженных большевиками объектах имперского пространства власти. С этой целью городские власти прибегали к практике коммеморативного использования обновленного пространства площади, вовлекая в этот процесс негосударственных агентов (общество «Мемориал», местных ученых, представителей церкви). Ярким примером участия церкви в актах коммеморации событий дореволюционной истории на площади Революции являются публичные молитвы, проводившиеся в начале 1990-х гг. под крылом «Томского общества русской культуры» и иных общественных объединений правого толка. «15 (2) марта 1992 г. – юбилей идеи защиты единства державы Государства Российского, – анонсировали одну из таких акций в местной прессе. – Томское общество русской культуры приглашает всех разделяющих идею единства нашего многонационального Отечества для совместной молитвы за державу Государства Российского. Молитва состоится на площади Революции у памятного камня на месте Троицкого собора»²².

Кроме этого, попытки создания новых идеологических сообщений и их дальнейшего укоренения в тексте городской площади осуществлялись при помощи топонимических практик. Известно, что переименования улиц и площадей старого порядка могут способствовать трансформации инфраструктуры памяти, а также стимулировать коллективные акты коммеморации событий недавнего прошлого²³. К середине 1990-х гг. наблюдается перемещение топонимических дискуссий из академического дискурса в политический – именно тогда вопрос о переименованиях становится элементом выступлений и заявлений местных депутатов. Подчеркнем любопытную деталь, требующую отдельного исследования: попытки принятия политических решений в области городской топонимии подстегнули рост слухов, вызвавших недоумение многих городских жителей. Например, 7 января 1993 г. в областной газете «Народная трибуна» вышла заметка: «Улица имени последнего героя», подтверждавшая многие существовавшие слухи о возможных переименованиях. В частности, одним из вариантов нового названия площади Революции являлась «площадь Мучеников»²⁴.

²⁰ Под красными знаменами // Томский вестник (Томск). 12 ноября. 1992. № 230. Л. 1.

²¹ На память – патриарший день // Томский вестник (Томск). 13 мая. 1992. № 92. Л. 3.

²² Молитва за державу // Народная трибуна (Томск). 9 марта. 1992. № 49. Л. 1.

²³ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб., 2018. С. 47.

²⁴ Улица имени последнего героя // Народная трибуна (Томск). 7 января. 1993. № 5. Л. 2.

Однако топонимические замыслы региональной власти не соответствовали слухам городских жителей. Замена символов советской властной топографии в тексте городской площади опиралась на практики рецепции имперского пространства власти и актуализации образа «студенческого региона», выраженного в метафорическом топониме «Сибирские Афины», во многом репрезентирующего региональный миф об особенной роли Томской области в культурной истории России. В рамках этой программы процесс символической трансформации площади Революции завершился в мае 1997 г., когда вступило в силу постановление мэра г. Томска «О возвращении исторического названия площади Революции»²⁵. С этого момента площади было возвращено название Ново-Соборная с сохранением исторической орфографии, что ознаменовало собой окончание символической трансформации площади Революции (Ново-Соборной).

Идеологический облик центральной городской площади Томска в девяностые годы был перекодирован путем топонимического воздействия и физического устранения чуждых артефактов, однако трансформация аналогичных публичных городских пространств происходила иными методами. Так, пространство площади Ленина в Томске, на которой и по сегодняшний день располагается последний ленинский памятник, было подвергнуто символической трансформации, когда символ прежнего режима менял свое место в иерархии ценностей. Памятник Ленину на одноименной площади также представлял собой своеобразный культурный пласт советского идеологического текста, элементы которого становились нечитаемыми в обстановке постсоветских политических изменений. Постсоветские архитектурные и градостроительные решения погрузили последний монументальный ленинский памятник Томска в контекст восстановленного имперского пространства власти – теперь его окружают Богоявленский собор, Иверская часовня и здание торговой галереи (рис. 3). Ценностная перекодировка не решила проблемы смыслового символического диссонанса – дискуссии о сносе памятника/переименовании площади Ленина настигли органы местной власти и академическую общественность сразу же после идеологической трансформации площади Революции (Ново-Соборной). «Я думаю, что это невозможно, – отвечал томский историк В.Г. Томилов на требование томских коммунистов восстановить ленинский памятник на площади Революции, – и предлагаю администрации города переименовать площадь Ленина в площадь Революции и в качестве символа последней сохранить на ней памятник Ленину».

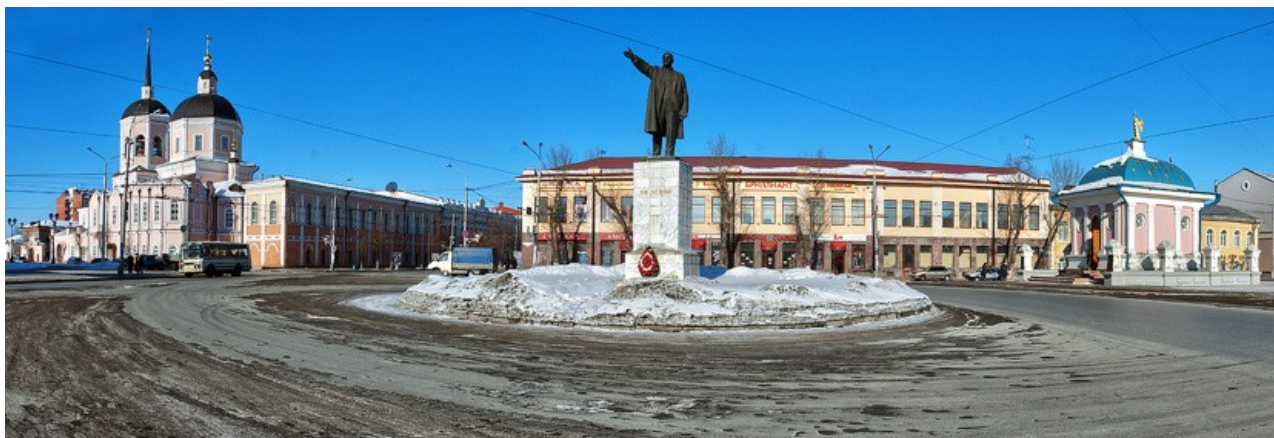

Рис. 3. Площадь Ленина в Томске, 2006 г.

«Последний» Ленин, расположенный возле здания областной администрации, нередко вызывал у томских политиков желание применить знакомую стратегию его физического устранения. Бывший томский мэр А.С. Макаров примечательным образом вспоминал собственные ощущения после визита в Томск патриарха Алексия II в 2003 г., освещавшего

²⁵ Постановление «О возвращении исторического названия площади Революции» от 26.05.97 // Официальный портал МО «Город Томск» [Электронный ресурс]. URL: http://www.admin.tomsk.ru/db1/url/P_1997_263 (дата обращения: 24.09.2021).

восстановленную часовню Богоявленского собора. «Я ненавижу памятник Ленину на одноименной, к сожалению, площади. Для Томска наличие ее позорно. И мне было стыдно за свой город, когда Патриарх Московский и Всея Руси шел освящать часовню от Богоявленского собора мимо памятника Ленину (спасибо случаю, что он хоть спиной стоит к часовне). Алексей Второй – человек умный, тактичный – покосился, но ничего не сказал»²⁶. Дискуссии о необходимости декоммунизации городского пространства не закончились в девяностые годы, о чем говорит актуализация этой темы в процессе подготовки масштабного празднования, посвященного 400-летию Томска в 2004 г. и организации саммита «Германия – Россия» с участием А. Меркель и В.В. Путина в 2006 г. Тогда в городском дискурсе артикулировалась идея о переименовании проспекта Ленина в Университетский проспект²⁷ и «решении вопроса» с последним памятником В.И. Ленину на одноименной площади.

Последовательность символической политики в Томском регионе выражалась в попытках идеологического использования мест городского пространства, представлявших собой связующие узлы советской властной топографии. С этой целью на протяжении всех девяностых годов менялся символический смысл объектов городского пространства Томска, наполненного чрезвычайно насыщенным набором символических элементов, выражавших смыслы разных по содержанию моделей памяти, в связи с чем пространство площадей справедливо воспринимать как идеологический текст, слои которого являлись объектом политических манипуляций новой власти. Подобная ситуация не является оригинальной в периоды смены власти и социально-экономической нестабильности, однако имеет свои региональные особенности. Декоммунизация публичного пространства в Томске характеризовалась радикальным настроем политиков-«демократов», занявших посты в городских органах власти и воспринимавших «борьбу» с материальными советскими символами в качестве инструмента подавления никуда не исчезнувших коммунистических идей, мешавших динамике либеральных экономических преобразований и конструированию образа «демократического региона», освободившегося от «тоталитарного» прошлого.

В то же время, несмотря на государственные попытки снижения символической нагрузки объектов прежнего режима, их смысловая трансформация дала обратный эффект для властных структур – пространство укорененных в социокультурной жизни идей и смыслов использовалось для артикуляции оппозиционных нарративов и ностальгических чувств по потерянной стабильности повседневной жизни. Кейс Томского региона справедливо считать отражением символической политики постсоветских властных структур, показавших неспособность интегрировать важнейшие советские символы и мифы в процессе построения эффективных политических нарративов, что создавало установку противопоставления настоящего «тоталитарному» прошлому. Риск использования подобной модели проявился уже в первые годы существования новой власти, когда в процессе декоммунизации публичного пространства и нараставшего социально-экономического кризиса не было создано нарратива, обосновывавшего необходимость распада прежнего режима. Можно предположить, что низкая эффективность модели радикального разрыва с советским идеологическим дискурсом повлияла на рост популярности оппозиционной коммунистической партии во второй половине 1990-х гг., использовавших богатые ресурсы памяти о событиях недавнего прошлого.

Литература

Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. Т. 20. С. 25–49.

²⁶ Макаров А.С. Большие перемены Александра Макарова... С. 82.

²⁷ Главным аргументом в пользу нового топонима называется расположение четырех крупнейших университетов Томска на небольшой части проспекта. Об этом см., напр.: Пичурин Л.Ф. О чем спорим? Избранные статьи из «Советской России». Томск, 2009. С. 20–37.

Аксенов К.Э. Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 4. С. 3–18.

Болтунова Е.М. Державность по-советски: имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 89–103.

Братская могила большевиков-подпольщиков // ОГАУК «Центр по охране памятников» [Электронный ресурс]. URL: <http://memorials.tomsk.ru/memorials/bratskaya-mogila-bolshevikov-podpolschikov-173.html> (дата обращения: 15.09.2021).

Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137–150.

История названия томских улиц / ред. Г.Н. Старикова; изд-е 3-е. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 368 с.

История Ново-Соборной площади / публ. Э.К. Майданюка // Электронная библиотека ELIB.TOMSK.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-638/> (дата обращения: 27.09.2021).

Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.

Макаров А.С. Большие перемены Александра Макарова. Томск: PaRt. Com, 2006. 305 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–54.

Пичурин Л.Ф. О чем спорим? Избранные статьи из «Советской России». Томск: Печатная мануфактура, 2009. 111 с.

Постановление «О возвращении исторического названия площади Революции» от 26.05.97 // Официальный портал МО «Город Томск» [Электронный ресурс]. URL: http://www.admin.tomsk.ru/db1/url/P_1997_263 (дата обращения: 24.09.2021).

Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 325 с.

Gill G. Symbolism and regime change: Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 246 p.

References

Abramyan, L. (2003). Bor'ba s pamyatnikami i pamyat'yu v postsovetskom prostranstve (na primere Armenii) [Struggle Against Monuments and Memory in the Post-Soviet Space (on the Example of Armenia)]. In *Acta Slavica Iaponica*. Vol. 20, pp. 25–49.

Aksenov, K.E. (2020). Geograficheskie modeli desovetizatsii toponimii v gorodakh Rossiyskoy Federacii [Geographic Models of Desovetization of Toponymy in the Cities of the Russian Federation]. In *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 152, no. 4, pp. 3–18.

Boltunova, E.M. (2013). Derzhavnost' po-sovetski: imperskoe prostranstvo sovetskikh 1970-kh gg. [Soviet-Style Sovereignty: the Imperial Space of the Soviet 1970s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 123, no. 123, pp. 89–103.

Bratskaya mogila bol'shevikov-podpol'shchikov [The Mass Grave of the Bolsheviks-Underground Workers]. In *Tsentr po okhrane pamyatnikov [Center for the Protection of Monuments]*. Available at: URL: <http://memorials.tomsk.ru/memorials/bratskaya-mogila-bolshevikov-podpolschikov-173.html> (date of access: 15.09.2021).

Burd'e, P. (1993). Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]. In *Thesis*. Vol. 2, pp. 137–150.

Gill, G. (2013). *Symbolism and regime change: Russia*. Cambridge, Cambridge University Press. 246 p.

Kotkin, S. (2019). *Predotvrashchennyy Armageddon. Raspad Sovetskogo Soyuz, 1970–2000* [Prevented Armageddon. The Collapse of the Soviet Union, 1970–2000]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Maidanyuk, E.K. Istoriya Novo-Sobornoy ploshchadi [The History of Novo-Cathedral Square]. In *Elektronnaya biblioteka ELIB.TOMSK.RU* [Electronic Library ELIB.TOMSK.RU]. Available at: URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-638/> (date of access: 27.09.2021).

Makarov, A.S. (2006). *Bol'shie peremeny Aleksandra Makarova* [Big Changes of Alexander Makarov]. Tomsk, PaRt.com. 305 p.

Malinova, O. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The Politics of Memory as a Field of Symbolic Politics]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 27–54.

Pichurin, L.F. (2009). *O chem sporim? Izbrannye stat'i iz "Sovetskoy Rossii"* [What are We Arguing About? Selected Articles from Newspaper "Sovetskaya Rossiya"]. Tomsk, Pechatnaya manufaktura. 111 p.

Postanovlenie "O vozvrashchenii istoricheskogo nazvaniya ploshchadi Revolyutsii" ot 26.05.97 [Resolution "On the Return of the Historical Name of the Revolution Square" from 26.05.97]. In *Oficial'nyy portal "Gorod Tomsk"* [Official portal "Tomsk City"]. Available at: URL: http://www.admin.tomsk.ru/db1/url/P_1997_263 (date of access: 24.09.21).

Sherlok, T. (2014). *Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soyuze i postsovetskoy Rossii* [Historical Narratives and Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 325 p.

Starikova, G.N. (Ed.). (2012). *Istoriya nazvaniya tomских ulits. Izdanie tret'e* [The History of the Name of Tomsk Streets. 3rd Edition]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 368 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021 г.